

УДК 780.6 (=511.131)

И.В. Пчеловодова

Конструкция удмуртского традиционного струнного инструмента кубыз в терминологическом аспекте

Аннотация. В статье дается краткий обзор струнно-смычковых музыкальных инструментов удмуртов на основе опубликованных материалов XIX-XXI вв. В связи с активным периодом возрождения некоторых из них затрагиваются вопросы исполнительства. Основное внимание уделяется трехструнному смычковому инструменту кубыз, а именно терминологии названий деталей. В отличие от предыдущих статей, акцент делается на названиях, связанных с одним элементом удмуртского женского костюма, а именно фартуком айшет. Символика фартука в традиционной культуре связывается, прежде всего, с женским началом, олицетворяет женщину, плодородие. С этой точки зрения открывается другой ракурс представлений об исполнительстве на кубызе, который считается исключительно мужским инструментом.

Ключевые слова: удмурты, традиционные музыкальные инструменты, хордофон, струнно-смычковый, терминология, антропоморфная и зооморфная символика, фартук, исполнительство.

I.V. Pchelovodova

The construction of the Udmurt traditional stringed instrument kubyz in the terminological aspect

Abstract. The article gives brief description of the Udmurt stringed bow musical instruments on the basis of published materials of the XIX-XXI centuries. In connection with the active period of the revival of some of them, issues of performance are touched upon. The main attention is paid to stringed bow instrument kubyz, namely: terminology of details. In contrast to the previous articles the emphasis is placed on the name connected with one element of the Udmurt women's suit – ayshet (an apron). The symbolism of the apron in the traditional culture is associated primarily with the feminine, represents the woman, fertility. From this point of view another perspective on ideas of playing the kubyz that is considered exclusively male instrument is offered.

Keywords: the Udmurts, traditional musical instruments, chordophones, a stringed bow instrument, terminology, anthropomorphic and zoomorphic symbols, an apron, performance.

Удмуртская традиционная инструментальная культура до сих пор является малоизученной сферой в отечественном этноинструментоведении и потому требует пристального внимания к себе. На сегодняшний день существуют отдельные статьи, посвященные одному или нескольким музыкальным инструментам, среди которых наиболее важные открытия сделаны в области аэрофонов и хордофонов [1; 2; 3; 4; 5; 6]. К настоящему времени накоплен значительный аудио- и видеоматериал. Последний особенно важен для удмуртского этноинструментоведения, так как

позволяет решить проблемы, связанные с исполнительством, изготовлением, конструктивными особенностями, реконструкцией и др.

Одним из распространенных явлений современного поликультурного пространства являются возрождение и исполнительство на традиционных музыкальных инструментах. Поэтому актуально встают вопросы общетеоретического анализа и изучения их в культуре прошлого. Объектом нашего исследования стали традиционные смычковые музыкальные инструменты удмуртов.

Смычковый способ звукоизвлечения, возможно, удмуртам был знаком ранее. Зафиксировано несколько разновидностей струнно-смычковых инструментов: 'пукыч' – музыкальный лук, 'кубыз' – двух- и трехструнный хордофон.

О существовании первого из них имеются сведения в трудах М. Буха и Г.Е. Верещагина [8, 78-79; 9, 189]. Здесь 'пукыч' описывается в качестве детской игрушки. Как музыкальный инструмент он впервые (и, пожалуй, единственный раз) описан музыковедом В.М. Беляевым: смычковый музыкальный лук «с одной, двумя или даже тремя тетивами-струнами из конских волос, приводимыми в вибрацию лукообразным смычком также из конских волос, натираемых еловой смолой» [10, 36]. К сожалению, другими сведениями об этом инструменте мы не располагаем. В настоящее время словом 'пукыч' обозначается охотничий лук.

Рассмотрев несколько точек зрения на происхождение музыкального лука, мы предположили, что усиление звучания инструмента представляется возможным в двух вариантах: при наличии отдельного резонатора, например, в виде земляной ямы или отдельного сосуда, так как без резонатора музыкальный лук имеет тихое, приглушенное звучание, что и подразумевает обязательное наличие резонатора для него [7, 45]. Хотя в статье музыковеда В.М. Беляева таких сведений не отмечается, мы смеем предположить о наличии резонатора по аналогии с детской игрушкой 'пукыч', которая, судя по рисунку, размещенному в статье Г.Е. Верещагина, устанавливалась прямо на земле или могла закрепляться на каком-либо предмете для устойчивости. Во втором случае звук можно усилить за счет использования в качестве резонатора ротовой полости, как это наблюдается в музыкальной культуре тувинцев [11, 56]. Но в этом случае струна зажимается пальцем, без использования смычка.

Таким образом, остаются открытыми вопросы об исполнительстве на музыкальном луке 'пукыч' (в частности, в каком

положении он находился во время игры, как держали смычок), материале изготовления (мы предполагаем, что это могут быть мягкие породы деревьев, обладающие гибкостью; в местных природно-климатических условиях таковыми являются вяз и можжевельник), в какое время года и кто мог играть на нем?

О бытовании двухструнного смычкового инструмента под названием 'кубыз' также упоминается В.М. Беляевым. Исследователь отмечает его сходство с древнерусским 'гудком' и марийской скрипкой 'ия-ковыж' [10, 36]. Однако в чем конкретно проявлялось сходство, автор статьи не уточняет. Думается, что сходной является конструкция инструмента, изготавливаемого из цельного куска древесины, как правило, мягкой породы (осины, ольхи, пихты, сосны) [12, 82]. Играли при помощи смычка, согнутого в виде лука. Интерес вызывает способ игры на инструменте. В частности, на марийской скрипке 'ияковыж' звук извлекали касанием пальца к струне, не прижимая ее к шейке инструмента из-за высокого верхнего порожка на грифе, который создавал большое расстояние между грифом и струнами [12, 85].

Подобный архаичный способ игры зафиксирован исследователями И.М. Нуриевой и М. Дэметэром и у удмуртских традиционных музыкантов, играющих на трехструнном самодельном 'кубызе', где также большое расстояние между грифом и струнами не позволяет исполнителю прижимать струну к грифу. Поэтому 'кубызчи' – исполнитель на 'кубызе' – лишь прикасается подушечками пальцев к струне [6, 318].

В настоящее время в удмуртской традиционной культуре сохранился лишь трехструнный смычковый хордофон под названием 'кубыз'. Наиболее ранние упоминания об удмуртской скрипке встречаются в этнографических заметках конца XVIII века. Так, Н.П. Рычков в своих путевых заметках употребляет для обозначения музыкального инструмента в виде

скрипки термин «гудок», сопровождающий вместе с волынкой и гусями свадебные песни удмуртов Уфимской провинции [13, 163]. Сведения о бытовании скрипки в рамках других обрядов мы находим в трудах XIX века, среди которых обращает на себя внимание замечание священника Николая Блинова об использовании скрипки и гуслей в обряде замены Булды новым, более сильным божеством в связи с утерей первого своей силы, проявляющейся в отсутствии благоприятного результата по окончании проведения молений: «Несколько вотяков (из д. Сарамак Староятчинской волости Елабужского у., совр. д. Удмуртский Сарамак Кизнерского р-на УР – И.П.) отправились ночью в деревню Аргабаши (совр. д. Старый Аргабаши Кизнерского р-на УР – И.П.) на тройке лошадей со скрипкой и гусями; разломали здесь в «бодзым-квале» двери, взяли Булду вместе с коробом (мудором) и увезли «молодого» бога в свое капище» [14, 47].

Значительная информация об инструменте появляется лишь в 2004 г. в сборнике удмуртского этномузыковеда И.М. Нуриевой «Песни завятских удмуртов» [1]. Здесь исследователь дает не просто описание инструмента, но процесс изготовления, названия частей, более широко раскрывает форму бытования и репертуар исполняемых наигрышей, публикуются нотные образцы инструментальных наигрышей на кубызе.

В зависимости от региона бытования встречается несколько названий инструмента: кубыз/крезь/коскам крезь/куско крезь /гудок/бандурка/домбро/ скрепка. Первый закрепился как основной. Последние экспедиционные материалы (1987-2008 гг.) показывают, что кубыз сохранился за пределами основного проживания удмуртов – это Республика Татарстан (Балтасинский район: д. Сырья, Средний Кушкет, Старый Кушкет, Нижняя Ушма, Тагашур, Кырык-Серма), Республика Марий Эл (Мари-Турекский район: с. Карлыган, д. Сизнер), Республика

Башкортостан (Татышлинский район: д. Вязовка, Янаульский район), Пермский край (Куединский район: с. Кирга, д. Большое Гондырево). Однако архивные материалы Удмуртского института истории, языка и литературы РАН, музейные экспонаты свидетельствуют об исполнении на кубызе и среди южных удмуртов в конце XIX – первой половине XX вв. (Можгинский, Алнашский, Малопургинский, Якшур-Бодьинский районы Удмуртской Республики). На севере Удмуртии также сохранились воспоминания об исполнителях на скрипке, которую здесь называют гудок.

Наибольший интерес для нас представляет терминологический аспект. Известно, что в традиционной культуре многих народов музыкальные инструменты, как и их отдельные части, имеют свои народные названия. Как правило, они связаны с зооморфными, орнитоморфными и антропоморфными символами. В этой связи обращают на себя внимание названия отдельных частей кубыза. Многие из них имеют под собой антропоморфную и зооморфную символику (последняя особенно характерна для инструментальной культуры Средней Азии). Так, завиток и колковую коробку называют 'кубыз дьыр (йыр)' (букв.: головка кубыза), шейку – 'чырты' (букв.: шея), подставку под струны – 'атас' (букв.: петух), 'пыкы' (букв.: гребень) или 'атас пыкы' (букв.: петушиный гребень), верхнюю деку – 'бам' (букв.: лицо), нижнюю деку – 'сьөр' (букв.: задняя/обратная сторона), обечайку – 'урдэс' (букв.: бок, боковая сторона).

Среди них выделяются детали инструмента, названия которых связаны с элементами женской одежды. При этом акцент делается на одной детали женского костюмного комплекса – фартуке 'айшет'. Так гриф имеет название 'вылын ашет' (букв.: верхняя часть фартука) или 'айшет' (букв.: фартук, передник), пуговка под струнодержатель – 'ашет кутон' (букв.: то, чем привязывается/закрепляется фартук

– это пояс, позднее пуговица), струнодержатель – ‘улын ашет’ (букв.: нижняя часть фартука) [1, 14, 6, 316].

Это обстоятельство заставило нас обратиться к символике фартука. В народных представлениях фартук – символ женщины, женского начала (он «закрывает» женские гениталии), фертильности и плодородия. Он выполняет утилитарную и празднично-декоративную функцию, часто используется в магической практике и обрядах [15].

В удмуртской традиционной культуре фартук ‘айшет’ является обязательным предметом женского костюма. Он делится на праздничный и бытовой. Первый, как и вся праздничная одежда удмуртов, изготавливался из домотканины и выполнял как эстетическую, так и функцию оберега. Бытовой фартук имел, прежде всего, практическую функцию (например, удмуртки Шарканского р-на УР делали широкий фартук, чтобы не испачкать платье). Айшет начинали носить девушки на выданье (до этого платье могли подвязывать веревкой или поясом).

Безусловно, одной из причин обозначения названий отдельных деталей кубыза является как внешнее подобие самого инструмента (корпус инструмента – дека и гриф – напоминает по форме айшет), так и его частей женскому переднику. Однако здесь прослеживаются и более глубокие корни. Мы предполагаем, что в данном

случае конструкция инструмента, соотносимая по форме с фартуком, и термины, обозначающие детали инструмента, символизируют женское начало, олицетворяют женщину, как правило, детородного возраста. Это обстоятельство и определяет, на наш взгляд, исключительно мужскую область исполнительства на кубызе. Хотя строгих запретов на женское исполнительство нами не зафиксировано, однако все информанты отмечают в качестве кубызчи лишь мужчин как нормальное, принятое в традиционном обществе, явление.

Аналогичные параллели встречаются в инструментальной традиции народов ханты и манси. Здесь смычковый инструмент типа скрипки называется ние-нарежух – женский нарас-юх (ханты) или нэрнэ-йив – женское дерево (манси), при этом исполнителями являются мужчины [16, 9-10]. По мнению исследователя музыкальной культуры народов Сибири Ю.И. Шейкина, такое обозначение «как бы указывает на женский голос, скрывающийся за... тембром» инструмента [17, 137].

Таким образом, анализ терминологии деталей музыкальных инструментов позволяет нам раскрыть глубинные смыслы их функционирования, проявляющиеся, например, в выборе половозрастного исполнительства. Думаем, что дальнейший анализ откроет и другие стороны бытования удмуртских традиционных музыкальных инструментов.

Литература

1. Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. В. 2. 332 с. (Удмуртский фольклор).
2. Нуриева И.М. Кубыз/кубызчи в межнациональном контексте культур // Музыкант в культуре: концепции и деятельность. СПб.: Российский институт истории искусств, 2005. С. 46-50.
3. Дэмэтэр М. Традиция игры на кубызе у шошминских удмуртов // Fenno-ugrica 1. Йошкар-Ола, 2008. В. 5. С. 188-195.
4. Пчеловодова И.В. Продольная флейта удмуртов // PAX SONORIS: история и современность: Научный журнал. В. III. / Гл. ред Е.М. Шишкина. Астрахань: Государственный фольклорный центр «Астраханская песня», 2009. С. 148-154.

5. Пчеловодова И.В. Аэрофоны в системе традиционной инструментальной культуры удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. В. 1 / Науч. ред. Н.И. Леонов. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 95-108.
6. Пчеловодова И.В., Дэметэр М. Кубыз: способы и приемы игры традиционных исполнителей // Отечественная этномузыкалогия: история науки, методы исследования, перспективы развития. СПб.: Университетский образовательный округ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2011. Т. 2. С. 310-321.
7. Пчеловодова И.В. Хордофоны в традиционной культуре удмуртов // Традиционная культура. – 2012. – № 4. – С. 44-49.
8. Buch M. Die Wotjäken, eine ethnologische Studie. Helsingfors, 1882. 190 S. [= Бух М. Вотяки. Этнологические очерки / [пер. Н. Маркина]. Гельсингфорс, 1882. 189 с.].
9. Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края. СПб., 1886. 218 с.
10. Беляев В.М. Справка об удмуртских народных музыкальных инструментах // Гиппиус Е.В., Эвальд З.В. Удмуртские народные песни. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1989 (Памятники культуры). С. 34-38.
11. Сузукей В.Ю. Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М.: Изд. дом «Композитор», 2007. 408 с.
12. Герасимов О.М. Народные музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола: Изд. центр МПИК, 1996. 223 с.
13. Рычков Н.П. Журнал или путевые записки 1769-1770 // Оттиск из календаря. СПб., 1770. С. 156-182.
14. Блинов Н. Языческий культ вотяков. Вятка: Губернская типография, 1898. 103 с.
15. Узенёва Е.С. Фартук // Славянская мифология-2. Дом Сварога: словарь. [Электронный ресурс] // URL: <http://pagan.ru/slowar/f/fartuk8.php> (дата обращения: 15.01.15).
16. Соколова З.П. Музыкальные инструменты хантов и манси (к вопросу о происхождении) // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин: Ээсти раамат, 1986. С. 9-21.
17. Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

References

1. Nurieva I.M. Pesni zavjatskih udmurtov. Izhevsk: Udmurtskij institute istorii, jazyka i literatury UrO RAN, 2004. V. 2. 332 s. (Udmurtskij fol'klor).
2. Nurieva I.M. Kubyz/kubyzchi v mezhnatsional'nom kontekste kul'tur // Muzykant v kul'ture: kontseptsii i dejatel'nost'. SPb.: Rossijskij institute istorii iskusstv, 2005. S. 46-50.
3. Demeter M. Traditsija igry na kubyze u shoshminskih udmurtov // Fenno-ugrica 1. Joshkar-Ola, 2008. V. 5. S. 188-195.
4. Pchelovodova I.V. Prodol'naja flejta udmurtov // PAX SONORIS: istorija i sovremennost': Nauchnyj zhurnal. V. III. / Gl. red. Je.M. Shishkina. Astrahan': Gosudarstvennyj fol'klornyj tsentr «Astrahanskaja pesn'a», 2009. S. 148-154.
5. Pchelovodova I.V. Aerofony v sisteme traditsionnoj instrumental'noj kul'tury udmurtov // Jezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. V. 1 / Nauch. red. N.J. Leonov. Izhevsk: Izd-vo «Udmurtskij universitet», 2010. S. 95-108.
6. Pchelovodova I.V., Demeter M. Kubyz: sposoby i prijomy igry traditsionnyh ispolnitelej // Otechestvennaja etnomuzykologija: istorija nauki, metody issledovanija, perspektivy issledovanija. SPb.: Universitetskij obrazovatel'nyj okrug Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti, 2011. T. 2. S.310-321.
7. Pchelovodova I.V. Hordofony v traditsionnoj kul'ture udmurtov // Traditsionnaja kul'tura. – 2012. – № 4. – S. 44-49.
8. Buch M. Die Wotjäken, eine ethnologische Studie. Helsingfors, 1882. 190 S. [= Buh M. Vot'aki. Etnologicheskije ocherki / [per. N. Markina]. Gel'singfors, 1882. 189 s.].

9. Vereschagin G.Je. Votjaki Sosnovskogo kraja. SPb., 1886. 218 s.
10. Bel'ajev V.M. Spravka ob udmurtskikh narodnyh muzykal'nyh instrumentah // Gipppuis Je.V., Eval'd Z.V. Udmurtskije narodnyje pesni. Izhevsk: Udmurtskij institute istorii, jazyka i literatury UrO RAN, 1989 (Pam'atniki kul'tury). S. 34-38.
11. Suzukej V.Ju. Muzykal'naja kul'tura Tuvy v XX stoletii. M.: Izd. dom «Kompozitor», 2007. 408 s.
12. Gerasimov O.M. Narodnyje muzykal'nyje instrument mari. Joshkar-Ola: Izd. tsentr MPIK, 1996. 223 s.
13. Rychkov N.P. Zhurnal ili putevyje zapiski 1769-1770 // Ottisk iz kalendarja. SPb., 1770. S. 156-182.
14. Blinov N. Jazycheskij kul't votjakov. Vjatka: Gubernskaja Tipografija, 1898. 103 s.
15. Uzenjova Je.S. Fartuk // Slavjanskaja mifologija-2. Dom Svaroga: slovar'. [Elektronnyj resurs] // URL: <http://pagan.ru/slovar/f/fartuk8.php> (data obraschenija: 15.01.15).
16. Sokolova Z.P. Muzykal'nyje instrumenty hantov i mansi (k voprosu o proishozhdenii) // Muzyka v obrjadah i trudovoj dejatel'nosti finno-ugrov. Tallin: Eesti raamat, 1986. S. 9-21.
17. Shejkin Ju.I. Istorija muzykal'noj kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoje issledovanie. M.: Vost. lit., 2002. 718 s.